

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. С. Липец

«МЕЧ ИЗ РЕДКОСТНОЙ БРОНЗЫ...»

(ОТГОЛОСКИ ЭПОХИ ОСВОЕНИЯ МЕТАЛЛОВ
В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ ЭПОСЕ) *

«Когда варвар... открыл самородные металлы...; когда он сплавил самородную медь с оловом и создал бронзу; и, наконец, когда еще большим напряжением мысли он изобрел горн и добыл из руды железо,— девять десятых борьбы за цивилизацию было выиграно... Производство железа было величайшим из событий в истории человеческого опыта...»

Л.-Г. Морган

Стоит погрузиться в любой тюркский или монгольский эпос, как нас ослепляет блеск металла, оглушает его звон. Все сверкает и звенит: диковинное оружие из бронзы и стали, раскаляющееся от желания вступить в бой; доспехи, играющие «огнями семидесяти цветов»; искры, сыплющиеся от удара меча по неуязвимому телу героя. Эпос населяют странные существа: светлые воины, носящие имена Бронзовое Зеркало, Боевая Бронза, Железное Острие; мрачные железные чудовища на железных конях; медноликие колдуны. Мчатся табуны диких коней, и в их развевающихся гривах и на ногах — природное оружие: стальные клинки и копья.

Откуда все это в эпосе? Когда эти образы могли попасть в него? Естественно предположить, что лишь тогда, когда произошло колоссальное историческое открытие — освоение человеком металлов.

Эпический мир фантастичен, но тем не менее в нем ясно проступают черты общественной жизни с уже развитым социальным и имущественным неравенством, начавшимся распадом родовых связей, непрерывными военными столкновениями. Ситуация эта знакома нам. Освоение металлов содействовало ускорению процесса развития общества. Наступила эпоха военной демократии, формирования первых, еще непрочных государственных образований при сохранившихся от родового строя традициях демократизма. Для этой эпохи, по определению Л.-Г. Моргана, выявившего ее место и роль в истории общества, характерно то, что в ней «господствует военный дух»¹. Но этот же дух господствует и в героическом эпосе с его культом силы, прославлением подвигов героя, с кодексом воинской чести, неумолимым и к врагам и к себе.

Содержание и настрой героического эпоса убеждают в том, что он начал слагаться именно в эпоху военной демократии. И это не случай-

* Под эпохой освоения металлов подразумеваются и век бронзы, и век раннего железа; их объединяет в эпосе новизна применения металла вообще, обусловившая особое отношение к нему у различных этнических общностей древнего мира.

¹ Л.-Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Л., 1934, с. 125.

но. Эпос призван был воспитывать в мужчинах-воинах неустрашимость и стойкость, озарять ореолом героизма их жизнь, полную непрерывных походов и тяжелых испытаний. Эпос должен был также отвечать специфическим интересам воинской среды, уже становившейся профессиональной. Пристальное внимание поэтому уделено в нем вооружению, тактике боя, преследованию противника, военным хитростям.

Тюркский и монгольский эпос не выпадают, конечно, из общих закономерностей развития этого жанра, но у отдельных народов огромного кочевого мира эпос складывался не одновременно и во многом различался в зависимости от пройденного ими исторического пути. Однако все создатели эпоса уже давно перешагнули грань доклассового общества. Этому не противоречит то, что ряд прасюжетов, мотивов и образов, мифологических представлений, элементов поэтического строя уходят корнями в необозримую глубину времен.

В небольшой статье я не могу ни касаться исторических путей тюрко-монгольских народов, ни давать обзора взглядов исследователей героического эпоса на время его зарождения. Однако надо подчеркнуть, что тенденция привязки истоков героического эпоса к эпохе освоения металлов и развития военной демократии все четче намечается в разных областях исторической науки — фольклористике, этнографии, археологии². Отголоски этой эпохи в эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов СССР отмечены рядом исследователей, но большей частью применительно к одному народу. Данная статья представляет собой попытку приурочения к той же эпохе истоков героического эпоса разных тюркоязычных и монголоязычных народов, в прошлом кочевников евразийских степей. При этом я ограничиваю себя рассмотрением только материалов эпоса, непосредственно связанных с металлом (реалии, образы, ситуации). Конечно, это лишь одна сторона проблемы хронологизации эпоса, для решения которой еще более важны отраженные в нем общественные отношения, характерные для данной эпохи.

Нельзя, однако, смешивать проблему зарождения героического эпоса как жанра в целом в эпоху освоения металлов с анализом отдельных эпических произведений. Большинство из них зафиксировано лишь в XIX—XX вв., и они восприняли за свою долгую жизнь наслоения ряда исторических эпох, вплоть до современности. Все эти позднейшие слои легко заметить; труднее выделить основное ядро, так как и оно само под воздействием времени претерпевало изменения. В каждом отдельном случае требуется тщательная и даже кропотливая аналитическая работа.

К сожалению, методика комплексного изучения исторической основы эпоса еще недостаточно разработана, и это создает для исследователей большие трудности.

Традиционная материальная и духовная культура (в том числе и эпос) у разных народов, обитавших на просторах степного мира, обдала рядом черт, сходных отчасти типологически, отчасти генетически. И все же невозможно рассматривать как единое целое традиционные культуры, например, тюркоязычных кочевников южнорусских степей и тюркоязычных же народов ряда областей Средней Азии, издавна стоявших на разных этапах перехода к оседлости и испытавших мощное влияние древней городской цивилизации.

Возвращаясь к характеристике рассматриваемой эпохи, отметим, что переворот в области хозяйства и материальной культуры, вызванный

² А. П. Окладников. История Якутии, т. 1. Якутск, 1949; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Л. В. Гребнев. Тувинский героический эпос. Опыт историко-этнографического анализа. М., 1960; М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— «Археологический сборник», 3, Л., 1961; И. В. Пухов. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962; С. С. Суразаков. Этапы развития алтайского героического эпоса. Автореф. докт. дис. М., 1973; С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, и др.

применением металла, который мог добываться далеко не везде, и усилившийся обмен привели к расширению торговли, развитию сухопутных караванных путей, дальних морских и речных плаваний. Следствием этого было общение с отдаленными странами и усвоение элементов их высокоразвитой культуры, а также обогащение культуры этих стран новыми чертами.

Б. А. Рыбаков, обрисовав историческую ситуацию и глубокие двигательные пружины общественного развития в эпоху бронзы, указывает, что «познание тайн металла и широкая торговля им, далекие передвижения племен, формирование этнических массивов привели в эпоху бронзового века к известному расширению кругозора, к более широкому взгляду на мир»³. Именно этим раздвинувшимся горизонтам и соответствовал героический эпос с его батырами, проводящими жизнь в разъездах не только по самым отдаленным «алтаям» — землям среднего мира, но и верхнего, небесного, и подземного миров, с воспеванием великолепных, лишь недавно выведенных пород верховых коней — в эпосе «крылатых», с восторгом перед металлическим оружием. В эпосе отражены также и сложные враждебные или союзнические взаимоотношения кочевников с оседлыми государствами, роскошь городов которых, как и ханских ставок-юрт, позволяла творцам эпоса с вольным гиперболизмом живописать бытовую обстановку. Но в зачинах эпических произведений неизменно описываются также бескрайние степные просторы, в которых тем не менее тесно пестрому скоту «четырёх родов», — так его много. Над этими стадами, над юртами — Вечное Синее Небо, на горизонте — священные горы, в степи изобильные «вода и трава». Люди проводят время не только в битвах, но и в пирах, в мужественных утехах. В мирной же эпической концовке все войны остались позади, все враги покорены или отогнаны, боевые кони отпущены в табуны и наслаждаются свежестью воды, сладостью трав, нагуливая тело, заживляя раны после непрерывных жестоких битв, отращивая шелковистую шерсть, стертую в дальних разъездах. Золотой век кочевников, несбыточная мечта, так нужная людям, исстрадавшимся в опустошительных междоусобных войнах! Кто бы в тот или иной момент ни оказался победителем, попеременно страдали обе воюющие стороны.

Героический эпос, если он начал складываться в эпоху освоения металлов, естественно, не мог не отразить восхищения перед захватывающей новизной этого материала. Это вылилось в эпосе в хвалы в первую очередь металлическому оружию, его красоте, блеску и звучанию, его губительным свойствам, в воспевании надежности доспехов. Ведь, как уже говорилось, бесстрашный герой эпоса — это воин-профессионал, принадлежащий к новой социальной прослойке, выделившейся в период ломки основ родового строя, засилья военных дружин. В эпосе сказалось и сложное отношение его создателей к кузнецам, работающим с металлом, образ которых прочно вошел в эпическую сюжетку. Главный же символ эпохи освоения металлов в эпосе — образ светлого воителя с металлическим, но живым телом. Его антипод — железное чудовище; оно безжалостно и тупо: металл течет в его жилах, а не теплая человеческая кровь...

Преклонение перед оружием привело в тот период к возникновению культа «бога-меча», буквально меча⁴, а в эпосе — антропоморфизиро-

³ Б. А. Рыбаков. Языческое миропонимание. — «Наука и религия», 1975, № 2, с. 59.

⁴ Отражение в эпосе культа «бога-меча», шире — «героя-оружия» впервые выявлено на материале нартовского эпоса. Главное место среди воителей с булатным телом принадлежит Батразу, но теми же свойствами обладают и некоторые другие персонажи, (см.: В. И. Абаев. Нартовский эпос. М., 1945; Т. А. Гуриев. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса (О монгольских влияниях). Орджоникидзе, 1971; Ж. Дюмезиль. Нартовский эпос и мифология. М., 1977). В. И. Абаев отмечает, что «мотив железного или стального тела встречается в турецком (тюркском. — Р. Л.) и монгольском эпосе» и что «эпитеты темир „железный“, булат „стальной“ обычны для героев» (В. И. Абаев.

ванного оружия в образе неуязвимого героя, выкованного из металла и закаленного в горне. Образ этот запечатлен во многих эпосах, с различными модификациями; иногда представление о выкованном теле батыра сохранилось лишь в форме сравнения.

Культ меча — историческая реальность. С поклонением мечу, его обожествлением был связан известный обряд у скифов. Называя скифского бога войны по греческому образцу Аресом, Геродот рисует неожиданный, вовсе не антропоморфный образ. Этот бог — просто меч, и ему приносят жертвы. В разных местностях на вершине нагроможденных одна на другую куч хвороста «водружен древний железный меч, и он-то служит кумиром Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека... Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч... А внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух»⁵.

Бронза в эпосе

*«Родитель мой, Хормуста-тэнгри!...
Дай мне ...и великий твой меч, целиком отлитый из бронзы».*

«Гесериада»

Для хронологизации эпоса особое значение имеет упоминание вооружения и конского снаряжения (отчасти и бытовых предметов) из меди и бронзы, т. е. из первых освоенных человеком металлов. Совмещение в одном и том же эпосе бронзы и железа, может быть, относится к «эпохе борьбы бронзы с железом» — важному этапу в формировании ядра эпоса; но если эпос зародился в эпоху бронзы, то представление о железе могло войти в него, конечно, и позднее, подменив собой в ряде случаев бронзу. Эпоха бронзы наступила в отдельных регионах Евразии неодновременно, причем нижний горизонт этой эпохи на рассматриваемой территории несколько повышался с юго-запада на северо-восток. Разрыв между хронологическими уровнями возникновения эпохи бронзы был в пределах ареала очень значительным. И в евразийском эпосе, существовавшем не одно тысячелетие, можно легко найти отражение большей или меньшей давности освоения бронзы и даже степени ее забвения предками того или иного народа.

Это сказывается в частоте упоминаний в эпосе бронзы и месте ее в сюжетике эпических повествований у народов, обитавших в пределах древних цивилизаций или в отдаленных от них ареалах. Бронза почти забыта в эпосе среднеазиатских народов (узбекском, каракалпакском, киргизском), этому соответствует и весьма «переразвитая» форма эпоса, его олитературенность, значительная отделенность от древней мифологии, рационализм и пр. Чаще встречается бронза в эпосе народов Сибири: алтайцев, тувинцев, якутов, и одновременно в нем наблюдается множество других архаических черт, тесная связь с древней мифологией и культовой практикой. Но присутствует бронза так или иначе в эпосе почти всех тюркоязычных и монголоязычных народов Евразии, и это — существенный аргумент в пользу предлагаемой датировки зарож-

Указ. раб., с. 65). Любопытным аналогом металлического тела воина является имя героя — Каменное тело — в военной эпохее индейцев квакиютлей, не знавших металла (см. Ю. П. Аверкиева. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — «Сов. этнография», 1970, № 5, с. 43).

⁵ Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратаковского. Л., 1972, с. 202. В. В. Латышев, анализируя этот текст, справедливо считает скифский обряд поклонением самому мечу и указывает, что оно «отмечается в более позднее время у алан — племени, родственного сарматам, а через них и скифам» (В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ч. 1 — Греческие писатели. — «Вестник древней истории», 1947, № 2, с. 269). Остается добавить, что речь идет о тех же евразийских степях, где позднее известны тюркоязычные кочевники.

дения героического эпоса. Наиболее же обильно представлены в эпосе железо, булат (сталь), а также поздние виды металлического оружия и бытовых предметов, так как эпос, как уже отмечалось, включал в себя черты материальной культуры последующих эпох.

В кочевнических эпосах упоминаются разные изделия из бронзы, в первую очередь оружие; герои носят имена, содержащие понятие бронзы; в поэтике устойчивы сравнения с бронзой. Самым весомым датированным признаком возникновения древнейшего ядра эпоса может служить упоминание бронзового вооружения, так как в более поздние исторические эпохи оно было вытеснено железным. Многие же предметы из меди и бронзы — утварь, украшения — прочно удерживались в быту вплоть до недавнего времени и потому лишь с большими оговорками могут использоваться как исторические реалии (в основном при специфической форме их, и особенно в том случае, если они упоминаются в эпосе наряду с воинским вооружением).

Нам известен характер эпоса бронзового века по эллинским эпикам «Илиаде» и «Одиссее» (хотя в них этот период был уже в основном ретроспекцией к моменту письменной их фиксации). Не случайно А. П. Окладников пишет о предках якутов: «Их вооружение ничем не уступало теперь „медноострым“ копьям, бронзовым мечам и кинжалам героев древней Греции, воспетым в „Илиаде“ Гомера»⁶. Он же отмечает, что в «архаическом языке» якутских олонхо сохранен «почти весь набор боевого вооружения бронзовой эпохи, известный по археологическим данным... Таковы бблот — „бронзовый меч“, „двухлезвийное красномедное больших размеров оружие“... „восьмигранные медные пики“, „медный нож“⁷», стрела с медным наконечником, бронзовая пальма — все, кроме кельта. В алтайском эпосе упоминаются также «медножелтая» или просто медная «колотушка», медный лом⁸.

Бронзово-железное вооружение эпического батыра и снаряжение его верхового боевого коня свидетельствуют о достижении новой стадии развития военного дела в эпоху раннего металла. Это вооружение было приспособлено для ближнего боя с коня. Сцены конного боя, привлекавшие особый интерес как новшество, запечатлены и в эпосе, и в изобразительном искусстве того периода.

Упоминания о бронзовом мече в эпосе наиболее важны для хронологизации эпоса потому, что в конце I — начале II тысячелетия н. э. меч стал вытесняться у кочевников Евразии саблями. В «Гесериаде» герой перед спуском с неба требует от небесного божества Хормусты, чтобы тот отдал ему свой бронзовый меч; впоследствии жена героя — Рогмо сражается в его отсутствие тем же мечом — «то был гесер-ханов огромный меч, вылитый из редкостной бронзы»⁹. Даже в среднеазиатском эпосе, где бронза была уже основательно забыта, рассказывается о бронзовом (с бронзовой обкладкой?) родовом луке Алпамыша, что говорит об очень архаичных истоках современного, по существу уже романического узбекского дастана. Гигантский дедовский лук лежит в траве, засосанный трясиной. В стрельбе из него испытывает свою силу в детстве сам Алпамыш (снеся при этом вершину горы), а потом лук попадает в руки и его сына, Ядгара¹⁰. В эпосе из бронзы часто изготовлены и доспехи воина¹¹.

⁶ А. П. Окладников. Указ. раб., с. 146.

⁷ Там же, с. 228—229.

⁸ «Маадай-Кара». Алтайский героический эпос. Запись текста, перевод на русский язык и приложения... С. С. Суразакова. М., 1973, с. 320, 401—402.

⁹ «Гесериада». Сказание о милостивом Гесер-Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Перевод, вступительная статья и комментарий С. А. Козина. М.—Л., 1935, с. 38—39, 163.

¹⁰ «Алпамыш». Узбекский эпос по варианту народного певца Фазила Юлдашева. Перевел Лев Пеньковский. Ташкент, 1949, с. 3—4, 314—319.

¹¹ «Монголо-ойратский героический эпос» (Пер., вступит. статья, примеч. Б. Я. Владимирцова. Пг., [1923] с. 62, 113. (далее — Б. Я. Владимирцов. Указ. раб.).

В каракалпакской версии эпоса «Кырк кыз» есть еще одна «бронзовая» реалья. Крепость Миули, где обитают «сорок девушек», обнесена бронзовой стеной¹². В данном случае бронза, по-видимому, — символ неприступных твердынь (хотя ворота и могли быть обиты медью). Искусство фортификации было хорошо известно в бронзовом веке, поэтому крепость и сравнивается традиционно с этим металлом¹³.

Бронзовые или медные украшения на сбруе коня, конечно, применялись до недавнего времени, но в эпосе они обрисованы так, что легко сопоставляются с археологическими находками: «двухкрылое», «изогнутое бронзовое седло»¹⁴, «тонкие маленькие бляшки» из бронзы, прикрепленные к узде коня¹⁵, «медные звенящие украшения»¹⁶. Трудно поддается датировке бронзовая и медная утварь, а также и другие бытовые предметы, упоминаемые в эпосе. Котел из бронзы и меди сам по себе не «реликтовый предмет», так как, легкий и небьющийся, он до недавнего прошлого широко употреблялся кочевниками. Однако историческую основу некоторых реалий все же можно проследить. Так, в эпосе зафиксирована именно древняя форма бронзового котла «скифского типа» с высоким поддоном, т. е. «отлитого вместе с таганом — „ожуком“», что отмечено Л. В. Гребневым для тувинского эпоса¹⁷. А. П. Окладников обратил внимание и на другой древний тип котла, бытовавший у предков якутов и проникший в якутский эпос: «„На кыргызском месте“ по Мархе был найден высокий и узкий котел с плоским дном, расширявшийся кверху, сделанный из нескольких мелких пластин листового железа на железных заклепках. Такие железные котлы, склепанные согласно эпическому трафарету „в девяти местах“, упоминаются в олонхо как принадлежность самобытной якутской культуры»¹⁸.

Конечно, гиперболизация, свойственная эпосу, не позволяет всегда искать прямых соответствий реалий эпоса предметам древнего быта определенного народа¹⁹. Поэтические сравнения в разных эпосах с котлом (то головы огромного рыжего зверя²⁰, то заходящего солнца²¹, то даже плешины врага²²) заставляют все же предполагать глубокую традиционность этого образа.

Имена эпических героев — также весьма существенный, на мой взгляд, аргумент для приурочения начала сложения героического эпоса к бронзовому веку: позднее, при наречении имени, не было смысла вспоминать этот металл, уступивший место железу. Так, в ойратском эпосе есть имена Боевая Бронза (Дайни-Кюрюль), Драгоценная Бронза (Ердени-Кюрюль), Бронзовый-Черный силач (Кюрюль-Хара-бэкэ),

¹² «Сорок девушек». Каракалпакская народная поэма. Записана со слов сказителя Курбанбая Тажибаева. М., 1951, с. 8, 26—27.

¹³ В средневековом Мавераннахре Пайкенд носил эпитет «меднобронного города», так как имел «сильно укрепленную цитадель» (Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 310).

¹⁴ С. Суразаков. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. Горно-Алтайск, 1961, с. 112, 144.

¹⁵ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 60.

¹⁶ «Верхоянский сборник. Якутские песни, сказки, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым». Иркутск, 1890, с. 148.

¹⁷ Герой, Кара-Когель, опьянев и разбушевавшись, «растоптал ханский таган и отлитую с ним вместе бронзовую чашу» необычайной прочности («Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос». Предисловие, перевод и комментарии Л. В. Гребнева. Кызыл, 1960, с. 129—130).

¹⁸ А. П. Окладников. Указ. раб., с. 400—401.

¹⁹ Число ручек котлов, например, мультиплицируется в различных эпических произведениях. Так, в алтайском эпосе есть «четыреухая» и даже «стоухая бронзовая чаша», в которой герой варит в один прием мясо девятилетнего быка и четырехлетнего верблюда-вожака и кормит своих родителей, истомленных в плену лишениями («Маадай-Кара», с. 339, 341, 343).

²⁰ А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, с. 109, 117.

²¹ С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929, с. 68.

²² «Верхоянский сборник», с. 139.

Бронзовое Зеркало (Кюрюль-Толи), где понятие бронзы привлекается в качестве украшающих эпитетов, показывающих обычно и воинские качества героя. Даже эпическая страна носит название Бронзовый Колокольчик (Кюрюль-Хонгхо), что, возможно, также служит синонимом прекрасного. Отметим, что кони излюбленной масти в ойратском эпосе — «бронзово-соловые»²³.

Имя одного из героев хакасского эпоса — Бронзовый Стрелок. В якутском эпосе эпитет «медный» входит в сложное имя мифических персонажей: Медный Божий Господин — владыка среднего мира, Медный Башмак — хозяин огня, Медный Даадар и др.²⁴; эпоха борьбы бронзы с железом могла отразиться в том же эпосе в именах, включающих название обоих этих металлов: Железный Красная Медь богатырь²⁵, описательное — На-маковке-своей-кипятит-семь-красной-медикотлов Железная Холурдан-шаманка²⁶.

Бронза и медь имеют возвеличивающее значение и в образных иносказаниях. В «Гесериаде» мужественное сердце героя — «сокровище бронзокаменное»²⁷, в якутском эпосе ласкательные прозвища — «медногрудая пташечка» или «медногрудые птенчики»²⁸.

Многие предметы из бронзы имеют в эпосе сакральное значение. Употребляются они в особых, чрезвычайных обстоятельствах и оказывают магическое действие. В этом могло сказаться, конечно, отношение людей эпохи бронзы к первому металлу, знаменовавшему радикальный переворот во всем их образе жизни, как к предмету культа. Но могли быть и другие причины: в религиозной практике очень долго применялись изделия из традиционных материалов, вытесненных из других сфер быта (например, каменный нож и т. п.).

В эпосе медные или бронзовые стрелы, копье, меч, хотя и употребляются преимущественно как обычное оружие, зачастую обладают «чудесными свойствами». Так, в алтайском эпосе медная стрела может лететь «через три Алтая», держаться в воздухе 30 дней, поразить цель²⁹ и вернуться в свой колчан. Медной стрелой герою удается пронзить врага, неуязвимо для всякого другого оружия. В тувинском эпосе семью медными стрелами герой раздвигает небо и землю и неподвижно закрепляет их в том месте, где они непрерывно сходятся и расходятся, и так проникает в заповедный верхний мир³⁰. Бронзовая или медная стрела, оставленная героем своим близким, должна потускнеть, если он умрет. Некоторые же медные предметы в эпосе специально культовые: в алтайском эпосе это шаманский бубен или ящик с душой врага³¹, в якутском — «медный могильный лабаз»³² или «медная тростка» «духа восьмигранной вселенной»³³. В том же эпосе «восьмигранными медными пиками» вооружены и «божьи стремянные», посланные причинить смерть человеку; этими пиками «пронзили они заключенное в сумку владыку-сердце Нюргуна могучего»³⁴.

²³ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 108, 115, 143, 163, 184; о конях — с. 104, 110, 114, 138, 144.

²⁴ См. А. П. Окладников. Указ. раб., с. 287—288; И. В. Пухов. Указ. раб., с. 166.

²⁵ «Верхоянский сборник», с. 201.

²⁶ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 95.

²⁷ «Гесериада», с. 121.

²⁸ «Нюргун Боотур Стремительный». Богатырский эпос якутов, вып. 1. Текст К. Г. Оросина. Редакция текста, перевод и комментарии Г. У. Эргиса. Якутск, 1947, с. 97, 125.

²⁹ Н. Я. Никифоров. Аноский сборник. Сборник сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина (далее — «Аноский сборник»). Омск, 1915, с. 89.

³⁰ «Сказания о богатырях», с. 30—32.

³¹ «Аноский сборник», с. 180, 214.

³² С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 103.

³³ «Верхоянский сборник», с. 196.

³⁴ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 28.

Кроме того, некоторые древние предметы из бронзы (наконечники стрел, удила, кольца от узды, ножи), найденные в XIX — начале XX в. при земляных работах или поднятые случайно, вызывали вследствие необычности материала, из которого они были сделаны, особое отношение к себе у местного населения. Оно «нередко окружало такие вещи культовым почитанием, пытаясь объяснить их происхождение различными легендами и преданиями»³⁵. Тувинские шаманы вешали эти предметы «у себя в юрте или на свою одежду», клали в молоко, которым «лечили» больных. Таким же было отношение и к стрелам скифского времени, которые «неоднократно находили на территории Тувы». «Создатели эпоса,— пишет Л. В. Гребнев,— уже не употребляли медных или бронзовых стрел на охоте или в бою, но их сохраняли как священные предметы (ыдык)»³⁶.

Особое место среди сакральных «медно-бронзовых» образов эпоса занимают мифические персонажи. Многие из них в эпосе тюрко- и монголоязычных народов снабжены медными или бронзовыми атрибутами, что позволяет приурочивать формирование этих образов к эпохе бронзы.

Первое место среди них следует отвести встречающейся в казахском, алтайском, калмыцком эпосах «медноликой», «меднорылой», медноклювой или с медными когтями старухе из подземного мира. Злонамеренная старуха является на походный привал к задремавшему батыру и съедает варящееся в котле мясо — охотничью добычу³⁷.

В эпосе якутов есть множество иных «медноликих» демонических образов: «семь медноликих Убийства дев», «семь медных ликов» людей, выскочивших после заклинивания из распавшейся чудесной медной коновязи³⁸. В тувинском эпосе упоминаются мужские персонажи — злые духи Албыс и Шулмус с «носом из красной меди»³⁹. Мифические персонажи могут быть и зооморфными: таковы в «Гесериаде» «медномордая собака» — спасительница Гесера, уничтожающая хищных зверей, или «медный щенок... с железной мордой»⁴⁰. Душа шаманки в ойратском эпосе вылетела из ее груди в облике «ворона с медным клювом, бронзовым задом, железными крыльями»⁴¹.

В какой-то мере можно отнести к реминисценциям бронзового века богатое оснащение медью и бронзой эпического жилища и его убранства. Наиболее своеобразен образ медной коновязи в якутском и алтайском эпосе, представляющей как бы замену мирового дерева, которое само служит коновязью божествам неба и подземного мира. Бронза изобилует также в описаниях величественной природы — бронзового моря в калмыцком эпосе⁴², священных медных и бронзовых гор и «медной семиградной тайги» в алтайском эпосе⁴³, бронзового неуязви-

³⁵ А. П. Окладников. Указ. раб., с. 127.

³⁶ Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 46, 89. Ю. Н. Рерих также отмечает сакральное значение, придаваемое еще в близкое к нам время кочевниками Тибета древним бронзовым предметам из могильников I тысячелетия до н. э., особенно наконечникам трехгранных стрел, которые они носят «как амулеты» (Ю. Н. Рерих. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета.— В кн.: «Seminarium Kondakovianum». Прага, 1930, с. 16).

³⁷ См.: Г. Н. Потанин. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Составление и комментарии С. А. Каскабасова, Н. С. Смирновой, Е. Д. Турсунова. Алма-Ата, 1972, с. 154—155, 331 (там же библиография по этому сюжету); «Маадай-Кара», с. 332, 371, 398 и др.; «Джангар». Калмыцкий народный эпос. Пер. С. Липкина. М., 1940, с. 275—279; С. А. Козин. Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.—Л., 1940 (далее — «Джангариада»), с. 203—206.

³⁸ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 65, 72.

³⁹ «Сказания о богатырях», с. 130.

⁴⁰ «Гесериада», с. 47, 105.

⁴¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 74.

⁴² «Джангариада», с. 3.

⁴³ «Аносский сборник», с. 8, 57; Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойратского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965. с. 200, 239.

мого марала — живой горы в тувинском эпосе⁴⁴ и пр. Все эти образы могли быть введены в эпос тогда, когда они были еще привычны для певца и его слушателей и сохранялись в нем по традиции.

Железо в эпосе

«...Прародитель кузнецов... взял... Хан-Джаргыстая и бросил в отверстие горна... Обратил тело и кровь его в искрящееся железо..., вытащил его сверкающего и бросил на растрескивающуюся наковальню».

«Хан-Джаргыстай»

Однако доминирующее место в «металлических» образах и персонажах занимает не бронза, а железо. Это вызвано не только тем, что эпоха раннего железа хронологически значительно ближе нашему времени, но и тем, что основной состав ядра эпоса сложился все же в этот период. В эпосе большинства народов евразийских степей, кроме того, отражены усложнившиеся уже социальные отношения, не характерные для эпохи бронзы, тем более ранней. С течением времени в эпос проникли не только самые различные наименования стали, но даже чугун. Одновременно эпическое вооружение обогащалось все новыми видами (кольчуга, сабля и пр.); наконец, настал черед и для огнестрельного оружия (например, в киргизском «Манасе»).

Не случайно «не горящий в огне» неуязвимый ребенок «меднорылой» старухи в бурятском эпосе лежит в железной люльке, и, по-видимому, сам железный. Он принадлежит к темным силам, как и взрослые железные богатыри, неуязвимость которых с трудом удаётся преодолевать светлым богатырям⁴⁵. В тувинском эпосе таковы Сын железа Тээк-мёгё — «весь железный силач»⁴⁶; Чаргыр-Кара-Мёгё с ногами из стали и железа, которые при борьбе, «как мечи, вошли в землю» и только когда противник сделал ему подножку, они «со страшным шумом загрохотали и сломались»⁴⁷. Особенно многочисленны такие персонажи в якутском эпосе (они часто обладают чудовищным железным же огнедышащим конем). Скрываясь от противника или умирая, они могут превратиться в жидкий металл⁴⁸, или, наоборот, противник героя становится неуязвимым, так как металл в его жилах застывает. Так, в «Гесериаде» расплавленный чугун в жилах раненого чудовища твердеет, и тогда герой спешит добить его, вспоров «тонкую брюшину» и выпустив жидкую еще руду⁴⁹. С металлической природой батыров связан мотив о единственно уязвимом месте их тела (известный в мировом фольклоре, но не обязательно связанный с металлом)⁵⁰.

Однако «металлическая» природа, как уже упоминалось, свойственна и светлым батырам эпоса тюрко-монгольских народов (еще придется вернуться к основному образу выкованного кузнецами светлого героя с булатным телом — в первую очередь к Гесеру — или превращен-

⁴⁴ «Сказания о богатырях», с. 100.

⁴⁵ «Абай Гэсэр-хубун». Эпопея. Эхирит-булагатский вариант. Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова (далее — «Гэсэр»), ч. 1. Улан-Удэ, 1961, с. 80—84.

⁴⁶ Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 29.

⁴⁷ «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей». Перевел с тувинского Л. В. Гребнев. Кызыл, 1968, с. 70—72.

⁴⁸ Шаманка, желая незаметно покинуть юрту, «ушла... горячим свинцом в землю» («Верхоянский сборник», с. 115); умирающий демон, «обратившись оловом, расплавясь, вниз проточился» (С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 95).

⁴⁹ «Гесериада», с. 137.

⁵⁰ Ряд фактов подобран Г. Н. Потаниным в его труде «Восточные мотивы в средневековом эпосе» (М., 1899, с. 280, 378, 398) и в его примечаниях к «Аносскому сборнику» (с. 289).

ного в стрелу, дрот и т. п.). К «металлическим» батырам, в образе которых не прослеживается связь с кузнецами, можно отнести, например, в алтайском эпосе Темир Санаа (Железная Мысль), Темир Эргек (Железный Палец), и Сына Неба Темир Бизе (Железное Острие)⁵¹.

Образ «металлического» младенца в фольклоре евразийских степей, например, проясняется, если сопоставить его с аналогичными образами в мировом фольклоре, где на поверхность выходит глубочайший пласт мифологического мировосприятия. Женщина рождает оружие; оно само появляется из ее чрева, вернее, плод имеет облик оружия. В ирокезском мифе один из рождающихся у «небесной женщины» близнецов («темный») «разрывает тело подмышкой матери и, убивая ее этим, выходит первым... Тело его состоит из кремня, и на его темени находится острый, как нож, кремневый гребень, при помощи которого он разорвал тело матери»⁵². Это еще не металл, а камень, так как ирокезы до контактов с европейцами пользовались каменными орудиями. В древнеиндийском фольклоре оружие, рожденное женщиной, уже металлическое. В. В. Стасов привел как параллель к русской былине о Дунае «сказку» из сборника Самодевы, широко использовавшего фольклор, а именно тот эпизод, где муж-чужестранец должен иссесть плод у одной из своих жен («Не давай себе сожалеть», — говорят ему, так как на это есть «тайная причина»). «Сактидева разрезал Виндуренхе живот, быстро вырвал оттуда младенца и взял его за шею. Но едва он его тронул, младенец превратился в меч»⁵³.

В нарттовском эпосе Батраз рожден из спины отца в виде раскаленного булатного младенца, которого удается охладить лишь после хитроумно продуманной многократной закалки. Взрослым Батраза повторно закаляют в наиболее напряженные моменты его жизни воителя. В облике Батраза проступают, по моему мнению, черты меча, устойчиво повторяющиеся в разных вариантах и версиях: у него безволосая круглая голова и выпуклый лоб (круглое навершие меча?), прямые стальные усы (перекрестие?)

Однако в эпосе тюрко- и монголоязычных народов этот мотив запечатлен уже в позднем, антропоморфизированном варианте, когда оружие становится просто неотъемлемым атрибутом рождающегося младенца. Герой, будущий завоеватель, появляется из чрева матери вместе с оружием. В ойратском эпосе о Егиль Мергене говорится: «...Выходя на свет из желтой утробы матери своей, держал он во рту алмазный черный меч»⁵⁴. В тувинском эпосе сын Мёгё-Баян-Далая хранит «родившийся вместе с отцом... булатный, с желтой ручкой, нож-кестик»⁵⁵.

Несомненно, что какую-то связь с почитанием металла имеет образ чудесного ребенка, рожденного с металлическими частями тела — грудью, головой и пр. Дайни-Кюрюль и его сын Ердени-Кюрюль, носящие «бронзовые» имена, оба рождены с бронзовым пупком, а пуповину не может перерезать ни один нож, кроме заветного.

Даже в зооморфной ипостаси батыры-оборотни в якутском эпосе остаются верны своей металлической природе и становятся железными хищными птицами.

⁵¹ См. толкование корня *vîv* в смысле острия, холодного оружия в древнетюркском языке («Древнетюркский словарь». Л., 1969, с. 97—98, 104—105); в современных тюркских языках корень *bîz* сохранился в названии шила и производных от него словах (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2. [М.], 1963, стб. 1784).

⁵² С. П. Толстов. Древний Хорезм (Опыт историко-археологического исследования). М., 1948, с. 289.

⁵³ См. В. В. Стасов. Происхождение русских былин. Собр. соч., т. III. СПб., 1894, стб. 1125—1133.

⁵⁴ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 204.

⁵⁵ Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 81. Можно предположить, что в истоке образа былинного Волха, требующего при своем рождении оружие и доспехи вместо пелен, тоже был младенец, появившийся на свет вооруженным.

Глухо звучит тема металла в мотиве «живой мишени». Батыр (и светлый, и темный!) подставляет под выстрел во время поединка свою обнаженную грудь, о которую расплющиваются и ломаются стрелы. Это, конечно, может быть и демонстрацией силы батыра, но не скрывается ли за этим представление о неуязвимости воина с подлинно металлическим телом, а иногда просто о прочности его металлических доспехов? Так, в тувинском эпосе у стрелы, ударившейся о грудь Кары-Когеля, «острие сломалось, и древко разлетелось на кусочки, будто попала она в булатную сталь»⁵⁶. При схватке с Магна-ханом у калмыцких богатырей Хонгора и Савара ломается меч или гнутся лезвия бердыша от ударов в его лоб⁵⁷, а тело батыра звенит от ударов оружия (но это может означать, конечно, иногда и звон оружия о броню). В «Гэсэре» при этом от удара мечом по шее «подобно удару по булатному железу звук „хап“ раздался» или весь он «как булатное железо, стоял-звенел»⁵⁸.

Кузнецы в эпосе

*«Здесь был город.
...Где кузнецы,
Гончары, батыры, купцы,
Медники, оружейники, знать?»
«Сорок девушек»*

В тюрко-монгольском эпосе, как и в эпосе других народов, освоивших искусство обработки металла, особое место занимают кузнецы. В могуществе эпические кузнецы претупают границы возможного. В своих подземных и наземных кузницах они куют не только обычное оружие, но и оживотворенное, обладающее собственной волей и, более того, кровожадностью, всевозможные «самосеки», которые к тому же понимают обращенную к ним речь воина, точнее, заклинание. Кузнецы, как уже говорилось, выковывают даже самих батыров или заставляют их изменить свой обычный облик на металлический, а затем «правят» после изнурительных битв.

Сходные образы и ситуации есть в эпосе и других народов. В. И. Абаев вдохновенно рисует картину бурной жизни нартовского общества, которое он приурочивает к «железному веку в его начальный романтический период»: «Кузнечное дело окружено сияющим ореолом так же, как в гомеровской Греции, в скандинавской мифологии, в Калевале... Железо и сталь встречаются в сказаниях на каждом шагу... Мы чувствуем здесь радость пионеров железной индустрии, для которых идеальный мир — это мир железный»⁵⁹.

Прославленные кузнецы известны в каждом эпосе, причем сообщаются их имена. В якутском эпосе девять кузнецов возглавляет их «родоначальник» — Гибель-Дуодарба Черный Кузнец⁶⁰; в калмыцком эпосе повествуется о Грозном Синем Кузнеце Кёкё-дархане, разделяющем славу со стариком Малу⁶¹; в тувинском эпосе наследственное оружие героя «сделали два искусных мастера: Чопей-дарган из Восточной стороны и Бапый-дарган из Западной стороны»⁶²; в «Манасе» есть «прославленный Болекбай-кузнец», прозванный Хромцом⁶³. «В бурятском эпосе могущественные кузнецы заняты изготовлением оружия для самих

⁵⁶ «Сказания о богатырях», с. 140; см. также Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 98.

⁵⁷ «Джангар», с. 136—137; о том же см. в алтайском эпосе: «Аносский сборник», с. 220; «Маадай-Кара», с. 320.

⁵⁸ «Гэсэр», ч. II. Улан-Удэ, 1964.

⁵⁹ В. И. Абаев. Нартовский эпос, 99.

⁶⁰ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 15.

⁶¹ «Джангариада», с. 115.

⁶² Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 80.

⁶³ «Манас». Эпизоды из киргизского народного эпоса. Пер. С. Липкина. М., 1960, с. 107.

богов-тэнгриев», и батыру с трудом удается уговорить их сделать «необходимые ему предметы», — пишет А. П. Окладников, давший сводку упоминаний о кузнецах в эпосе тюркских и монгольских народов⁶⁴. В эпосе якутов, издавна славившихся искусством обработки металла, мастерство кузнецов воспето, отмечает он там же, наравне с доблестями воинов (и, добавим, непревзойденными достоинствами их коней). В гиперболических образах обрисована и кузница. В «Джангариаде» она помещается в юрте из диких валунов с ярко-красными мехами, в якутском олонхо — в «буроватом бугре, в девяносто местах отверстом... с шумными, громадными — ровно белые кобылицы — мехами, с наковальней из плотного камня преисподней» и т. д. Эпические кузнецы работают с многочисленными безымянными помощниками, черными от копоти⁶⁵.

В эпосе изображена не только совместная работа кузнецов-единоплеменников, но и сложное разделение труда между мастерами из разных стран, отражающее высокую степень развития ремесла. В ойратском эпосе дербетский, непальский, халхаский и другие кузнецы совместно изготавливают меч: один выбивает ложбины на клинке, другой отбивает меч на наковальне, остальные закалывают изделие, покрывают орнаментом, резьбой, отделяют цветными камнями и пр.⁶⁶. Это естественно для эпоса ойратов, некогда имевших широкие этнополитические связи с другими народами.

«Великие кузнецы» в эпосе — профессионалы-ремесленники; они всегда получают за свой труд заранее оговоренную плату, причем заказчики за ценой не стоят (на рынок кузнецы, по-видимому, не работают). Цена изделия исчисляется количеством юрт, коней и пр. Так, в калмыцком эпосе панцирь у Хонгора — «ценой в пятьдесят пятилеток-коней», а его меч на «богатом» поясе — «в семьдесят меринов ценой» или «в семьдесят тысяч юрт»⁶⁷. В якутском эпосе за изготовление железного жилища-балагана кузнецам обещано восемь быков и три коровы⁶⁸. Вероятно, во всем этом следует видеть отражение той стадии развития ремесла, когда ремесленникам платили не деньгами, а эквивалентными по стоимости предметами. Один же старик-кузнец потребовал в качестве платы даже привезти ему женщину в жены, и батыр выполнил это условие, пройдя через опасные приключения⁶⁹.

Сказители, знатоки металла, вдумчиво перечисляют, из какого именно булата сделано оружие, например, острие сабли — из «калмаc-булата», обух — из «махa-булата»⁷⁰ и т. п. Расшифровка этих эпических марок металла могла бы послужить темой специального исследования.

В то же время в эпосе изделия изготавливаются иногда из случайных материалов, обломков изделий, а не из руды. Так, в тувинском эпосе описывается, как с помощью древесного угля расплавлен и вновь выкован разбитый пинком ноги батыра бронзовый котел; наконечник стрелы сделан «из расплавленного и слитого вместе железа семидесяти черных котлов»⁷¹. В бурятском «Гэсэре» черный свинец расплавлен «в десятиведерном клейменом котле» для отливки изделия⁷².

Образ кипящего расплавленного металла вообще широко вошел в эпос. В ойратском эпосе остудили «великую горячую гоби, кипящую чу-

⁶⁴ А. П. Окладников. Указ. раб., с. 287—288.

⁶⁵ «Джангариада», с. 115, 150; С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 15.

⁶⁶ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 63, 114.

⁶⁷ «Джангариада», с. 115, 150; «Джангар», с. 48.

⁶⁸ «Нюргун Боотур Стремительный», с. 359.

⁶⁹ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 17.

⁷⁰ «Джангариада», с. 216.

⁷¹ Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 80—81. Вспомним скифскую легенду о гигантском медном котле в Эксампее, который был отлит из наконечников стрел, собранных по одной от каждого воина, чтобы «узнать численность скифов» (см. Геродот, с. 208).

⁷² «Гэсэр», ч. I, с. 167.

гуном»⁷³. В монгольской легенде «размножившееся монгольское племя», укрывшееся за четыре века до этого в горах, вышло оттуда на прежние кочевки только благодаря догадливости кузнеца, «расплавившего часть горы для открытия прохода»⁷⁴.

Подробно, в устойчивых формулах, излагаются в эпосе пожелания заказчика, какими должны быть оружие и доспехи. В якутском эпосе, например, требуется такая полировка клинка, чтобы в нем отражалась улыбка — «губы и зубы ослабившегося юноши»⁷⁵. О броне в том же эпосе говорится в стиле, близком к заклинанию: «В семь рядов плотного железа полы вели сделать! В восемь рядов листового железа клинья вели сделать! В десять слоев каленого железа стан вели сделать! Чугунным черным камнем вели оторочить!... Когда будут бить, чтобы не пробивалась, когда будут колоть, чтобы не ломалась, когда будут рубить, чтоб не иззубрилась!»⁷⁶.

Не забыта и художественная отделка оружия с узорчатой, резной рукоятью, сложный орнамент на золоченых шлемах, доспехах и пр. Такое заказное оружие в эпосе получает собственное имя, становится наследственным.

Кузнец как истый виртуоз узнает свое уникальное изделие через много лет. Так, Кёкё-дархан по дроту, который сделал когда-то отцу Джангара, признал его сына, когда тот, расшатав и обломав дрот во время битвы, явился к кузнецу, чтобы починить его⁷⁷.

Кузнецы в эпосе изготавливают оружие, способное поражать со стократ большей эффективностью, чем это было в исторической действительности. В одном из вариантов каракалпакского эпоса «Кырк кыз» меч кузнеца Отбаскана сразу сечет сто голов; стремясь овладеть тайной мастерства Отбаскана, враги безуспешно подвергают его в плену чудовищным пыткам⁷⁸. В «Джангариаде» есть секира «с тройным обухом, с тридцатью и двумя алмазными остриями»⁷⁹. В «Гесериаде» обычны управляемые в полете стрелы.

Такое металлическое оружие, конечно, может легко принести победу эпическому воину, но это будет в большей мере заслугой не самого героя, а мастера-кузнеца. Поэтому «общее место» в ряде эпосов разных народов — отказ батыров перед поединком от такого оружия, предпочтение ему силы своих мускулов, борьбы. В тувинском эпосе один из батыров спрашивает другого: «Будем ли мы состязаться с помощью созданных самой природой кулаков или же с помощью сделанного мастерами синего железа?»⁸⁰. В ойратском эпосе в близком тексте дано и разъяснение: «Если будем биться оружием, то скажут, что обрели победу превосходством вооружения. Схватимся, померяемся силой плечей, лопаток!»⁸¹.

Упомянутые выше самосеки занимают в эпосе промежуточное место между «богом-мечом» и простым оружием. Это как бы оживотворенное оружие, которое само стремится принять участие в битве: в якутском эпосе это «длинный, кровожадный меч» и «вниз острием воткнутая...

⁷³ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 208.

⁷⁴ И. Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1850, № 10—12, отдел II, с. 5.

⁷⁵ «Верхоянский сборник», с. 223.

⁷⁶ С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 16. В переводе броня, видимо, неточно названа «кольчугой».

⁷⁷ «Джангариада», с. 135—136.

⁷⁸ «Кырк-кыз». Каракалпакский эпос. Записано со слов Курбанбая Бахши. [Ташкент]. 1949, с. 146—148.

⁷⁹ «Джангариада», с. 150.

⁸⁰ Л. В. Гребнев. Указ. раб., с. 127.

⁸¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., с. 75.

пальма, сама жадно рвущаяся на брань»⁸², «стрела, разыскивающая врага и попадающая в него сама собою»⁸³, в бурятском эпосе — стрела, которая сама возвращается в свой колчан⁸⁴. В «Гесериаде», как пишет Г. Н. Потанин, есть «сабля, выскакивающая сама собою из ножен, очевидно, жаждущая кровопролития»⁸⁵. Даже в каракалпакском позднем дастане, когда воительницу Гулаим объял страшный гнев, не только она сама «загорелась жарким огнем», но и

«Раскалившийся добела
Меч сверкнул у нее в руках».

Там же Арыслан просит жену отпустить его биться за освобождение родного Хорезма, но образ оживотворенного меча привлечен лишь для иносказания:

«Шахской крови просит меч»⁸⁶.

Вершину мастерства кузнецов в эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов представляетковка батыра или «исправление» его после битвы. Эпический батыр не только несгибаем духовно, но и физически большей частью неуязвим: он или обладает булатным телом, или подобен металлу. Процессковки и закалки героя изображен во многих эпосах.

В бурятском эпосе Гесер — создание чудесных кузнецов — доведен ими до состояния неуязвимости. Он говорит о себе небесным родичам:

«Когда вы творили меня, то ковали
Шеньинские семь кузнецов,
Закаляли
Ханьинские семь кузнецов».

Но после особенно тяжелой битвы Гесер ослабевает; перековывать, «править» его отводят к тем же кузнецам; они

«...Играючи будто, его обжигали,
В горнило бросая,
Играючи будто, его накаляли.
...Они так закалили его,
Что он, будто булатный,
Звенел».

При закалке кузнецы опускают Гесера в молочное и желтое моря и одаряют при этом магической силой⁸⁷.

Сказителям нет нужды, что Гесер (в прологе) — дитя небесного божества, что он способен к множеству перевоплощений. В этом сложном мозаичном образе соединились, видимо, разные изводы, и не все в них согласуется. Любопытно, что сказитель, интуитивно уловив уподобление в эпосе батыра своему оружию — мечу, употребляет почти одну и ту же формулу в эпизодах изначальной закалки и перековки как Гесера, так и его меча⁸⁸.

⁸² С. В. Ястремский. Указ. раб., с. 101.

⁸³ «Верхоянский сборник», с. 138.

⁸⁴ «Гэсэр», ч. II, с. 154 и др.

⁸⁵ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, с. 425.

⁸⁶ «Сорок девушек», с. 260, 352.

⁸⁷ «Гэсэр», ч. I, с. 37, 97—98.

⁸⁸ Там же, с. 59.

Аналогично дана перековка двух противников в якутском эпосе, где кузнецы исцеляют их на свой лад. Под ногами обоих борющихся, которые изнемогли после поединка, проваливается земля, и они попадают в подземную кузницу семи братьев-кузнецов Бэки-дэл; те «сваривают тела богатырей, которые снова становятся крепкими и сильными, и выбрасывают их в средний мир»⁸⁹. В том же эпосе со знанием дела показан процессковки тела батыра в поэме о Хан-Джаргыстае, который проник в железную юрту-кузницу, полную изношенного оборудования, к страшному кузнецу. Тот схватил батыра клещами и в горне при помощи «раздувательного меха из рыжей кобыльей шкуры» превратил его в раскаленное железо и на наковальне «стал колотить его молотом, ... стал с визгом напильник его старым истертым напильником и сделал из него стрелу с „губами“ (выемкой на тупом конце стрелы для вставки тетивы)». Дальше следует заклинание кузнецом человека-стрелы, близкое к заклинанию оружия. «Сказал и, посадив на большой палец, сшиб щелчком на северную сторону», к «господину дьяволов», где стрела вонзилась в шесток печи; его узнали и отослали тем же способом на родину: «Долетевши до своего дома стрела стрелой, у дома своего он очутился человек человеком»⁹⁰.

В некоторых других якутских текстах уже нет упоминания о выковке батыра, а есть только уподобление стреле, однако архаичный мотив еще сквозит явно: Нюргуна Стремительного, для борьбы с темными силами,

«Улусы высших племен, говорят,
...Отделали словно стрелу,
Отточили старательно, как бовую стрелу».

В другом эпизоде тот же Нюргун приходит на помощь пленнику змея с чудесной быстротой и сам сравнивает себя со стрелой:

«Как наконечник стрелы закалившись,
Как боевая стрела приготовившись,
Пришел и стою перед тобою я»⁹¹.

Батыры, однако, не всегда выкованы кузнецами, порой они принимают металлический облик и самостоятельно (при своих произвольных превращениях). В одном тексте они становятся «трехгранными железными трезубцами», но все же влетают затем в таком виде к тем же «почтенным прародителям кузнецов»⁹², что выявляет истоки мотива.

В алтайском эпосе сохранились отзвуки выковки светлых героев-батыров: тело Темир-Санаа (темир — железный) «нагревают железной колотушкой» обитатели нижнего мира, как и тело Кыс-Мергена, для того, чтобы он пришел в сознание, т. е. фактически их куют⁹³.

Зачастую образ воина-меча в эпосе уже почти стерт. Так, в узбекском «Алпамыше» нет кузнецов, перековывающих героя, тело его не названо булатным, но все же перед нами встает знакомый, хотя и по-иному трактуемый образ воина, представлявшего в изводе персонификацию металла. Опьяневшего Алпамыша не берет ни одно оружие (все оно «иззубривается» о его тело), ни даже огонь костра, но это объясняется уже тем, что он заколдован⁹⁴.

⁸⁹ «Нюргун Боотур Стремительный», с. 13.

⁹⁰ «Верхоянский сборник», с. 216—219.

⁹¹ «Нюргун Боотур Стремительный», с. 133, 337.

⁹² «Верхоянский сборник», с. 227.

⁹³ «Аносский сборник», с. 89, 220.

⁹⁴ «Алпамыш», с. 204.

Вероятно, модификацию образа героя, выкованного из металла, представляет припаянная к его телу броня или вооружение. Тот же Гесер

«...Бронею покрыл свою спину,
Булатной железной бронею
Он мозг свой спинной запаял,
Да бронею покрыл себя спереди,
Грудь запаял он
Кремнево-железной броней»⁹⁵.

В другом месте сказания повествуется, что каждый из его дружинников припаял к своей руке аркан⁹⁶.

Сама по себе железная или медная одежда на эпических персонажах может быть модификацией образа некогда металлических существ⁹⁷. Можно, конечно, допустить в отдельных случаях и обратное переосмысление: защищенный металлическими доспехами воин воспринимался непривычным к этому противником как человек, все тело которого — неуязвимый булат⁹⁸, только звенящий от ударов. Но едва ли отождествление героя с его броней имело существенное значение для создания образа воителя с металлическим телом: против этого говорит древний мотив мирового фольклора о чудесном рождении его уже раскаленным или просто железным.

* * *

Освоение металлов, сыгравших такую огромную роль в истории человечества, нашло многообразное отражение в эпосе. Особая значимость, придаваемая бронзе и железу в героическом эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов, может, по-видимому, служить свидетельством того, что зарождение эпоса как жанра восходит к далекой эпохе бронзы и раннего железа. Но если такое отношение к металлу характерно для героического эпоса разных народов (очень ярко сказавшись, например, в нартовском эпосе), то это подтверждает правомерность предлагаемой хронологизации. Было бы весьма желательно, чтобы исследования эпоса в том же археолого-этнографическом аспекте были проведены также на материале иных ареалов. Это дало бы возможность продвинуться не только в установлении аргументированной датировки истоков героического эпоса, но и в выявлении общих закономерностей его возникновения и развития.

⁹⁵ «Гэсэр», ч. I, с. 35.

⁹⁶ Там же, с. 66.

⁹⁷ См., например, в якутском эпосе: «Нюргун Боотур Стремительный», с. 255; «Верхоянский сборник», с. 114.

⁹⁸ Напомним саамские легенды о «стальманах» — железных людях, под которыми понимали шведских воинов-латников, опустошавших Лапландию (Н. Н. Харузин. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890).